

В. В. Попов

САНКЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопрос о допустимости включения санкций в число структурных элементов нормы права решается в юридической науке чаще в идеологическом, чем в логическом ключе. Логические основания включения санкций в число структурных элементов нормы права не установлены ни в юридической науке, ни в логико-философских исследованиях. Таким образом, включение санкций в число структурных элементов нормы права недопустимо. Все нормы права имеют не трехчленную, а двучленную структуру. Однако неверно утверждать, что санкций не существует. Они существуют, но не как структурный элемент нормы права, а как структурный элемент системы права. Санкция — это самостоятельная двучленная норма права. При этом с идеологической точки зрения мы полагаем, что исключать государственное принуждение из числа признаков нормы права в настоящее время нецелесообразно. Наличие санкций позволяет говорить не об обеспеченности права государственным принуждением, но о предусмотренности государственного принуждения за нарушения требований права. Связь санкций с государственным принуждением имеет не объективный, а субъективный волевой характер.

Ключевые слова: норма права, структура нормы права, структурный элемент нормы права, гипотеза нормы права, диспозиция нормы права, санкция нормы права, государственное принуждение.

V. V. Popov

SANCTIONS OF LEGAL RULES: A MYTH OR REALITY?

In the legal science the issue of including sanctions in the list of structural elements of the legal rule is usually addressed in the ideological rather than logical manner. The logical basis for including sanctions in the list of structural elements of the legal rule is not established in the legal science or logical-philosophic research. Thus, inclusion of sanctions in the list of structural elements of the legal rule is not admissible. All legal rules have a two-element and not a three-element structure. However it's wrong to assert that sanctions do not exist. Sanctions do exist but not as a structural element of the legal rule but as a structural element of the system of law. A sanction is an independent two-element legal rule. Also, from ideological point of view we believe that at present it's not reasonable to exclude state enforcement from the list of legal rule's characteristics. Due to the existence of sanctions we can't speak about securing law effectiveness by means of government coercion; we should speak about providing government coercion for breaking law requirements. The connection of sanctions with state enforcement is not objective; it has subjective, volitional character.

Key words: legal rule, structure of the legal rule, structural element of the legal rule, hypothesis of the legal rule, disposition of the legal rule, sanction of the legal rule, state enforcement.

Вопрос о допустимости включения санкций в число структурных элементов нормы права не прост. В отечественной юридической литературе он чаще всего решается в политико-идеологическом аспекте. Давно известны идеи отечественных ученых-юристов о том, что включать санкции в структуру правовых норм допустимо, однако не для всех норм права предусмотрены санкции. Например, об этом писали С. С. Студеникин, Н. П. Томашевский [цит. по: 1, с. 13] и др. На наш взгляд, в отечественной юридической литературе подобные идеи были обусловлены общим философским, идеологически-мировоззренческим контекстом существования и развития общетеоретической юридической науки в определенный исторический период. В рассматриваемом ключе доминантной идеей было построение коммунистического общества с постепенным отмиранием наследия

общественно-экономических формаций эксплуататорского типа, в частности государства (машина для подавления одного класса другим) и права (возведенная в закон воля экономически господствующего класса). В силу этого и такие явления, как государственное принуждение, идеологически последовательно было бы считать хотя и неизбежно существующими элементами несовершенного прошлого, но все же элементами временными, замещаемыми новыми методами организации общественной жизни при переходе к коммунистическому общественному самоуправлению. Следует также понимать, что спор о количестве и качестве государственного принуждения как меры обеспечения реализуемости правовых предписаний не во всех случаях имел академический характер. Достаточно вспомнить речь Председателя Комитета государственной безопасности СССР

А. Н. Шелепина на XXII съезде КПСС, где он критиковал (бывшего) Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского за идеи о мере соотношения убеждения и принуждения в советском праве (газета «Правда» от 27 октября 1961 г.). Смысл данного замечания заключается в том, что в указанное время выбор поля для аргументации (логическое, идеологическое) не всегда был прост, поскольку столкновение логического и идеологического в таких ситуациях вполне могло закончиться подавляющим преимуществом идеологического.

Любопытен и тот факт, что наличие предписаний, называемых правовыми, но не подкрепленных в случае нарушения государственным принуждением (*imperfect rights, unenforceable contracts*), отчасти признавалось и теми зарубежными учеными, кто не был связан требованиями соответствующей идеологической допустимости [цит. по: 2, с. 14].

Отдельно можно отметить и парадоксальную аргументацию допустимости включения санкций в структуру нормы права. Ее примером могут служить рассуждения Л. С. Явича, который, с одной стороны, возражает против того, чтобы называть структуру права логической, а с другой, — называет эту же структуру объективно обусловленной! [3].

Обратим внимание на две серьезные методологические ошибки Л. С. Явича в утверждении о том, что трехчленная структура нормы права, а значит, и включение в нее санкции обусловлены не логически, но реально и объективно.

Первая ошибка — это противопоставление логического и объективного. Ее вероятная причина состоит в том, что Л. С. Явич не разделял достижений логики-философской мысли в части устоявшегося подхода о соотношении законов природы (с помощью которых мы и утверждаем о том, что, например, связь между явлениями объективна, необходима) и законов логики (также позволяющих установить наличие объективной необходимой связи между явлениями).

Вместе с тем на протяжении нескольких тысячелетий не была опровергнута мысль, что законы логики дискурсивно приоритетны перед законами природы в том смысле, что необходимое физически всегда необходимо и логически, но никак не наоборот! Эта мысль здрава и сейчас.

Далее мы выразим согласие с Л. С. Явичем в том, что неверно считать трехчленную структуру нормы права логической. Но сделаем эту мысль более категоричной: трехчленная структура нормы права («если—то—иначе») не имеет никакого отношения ни к логике, ни к информатике. Однако если мы будем основываться на правильном

сочетании логической и физической обусловленности связи между явлениями, то отрицание логической связи элементов нормы права с неизбежностью приводит нас к отрицанию того, что трехчленная структура нормы права может отражать (выражать и т. п.) некую объективную закономерность, объективную связь и т. п. в отношении введения в данную структуру санкции правовой нормы.

Если же мы попробуем рассмотреть вопрос об объективности трехчленной структуры правовой нормы вне соотношения с логическим характером такой связи, то заметим вторую методологическую ошибку Л. С. Явича. В частности, ученый вновь пытается соединить несоединимое. С одной стороны, он говорит, что трехчленная структура нормы выражает объективный закон. Но с другой — утверждает, что государственное веление присутствует во всех трех элементах и связывает их между собой.

В части выраженности государственной воли в содержании данных элементов и характере связи между ними мы полностью согласны с Л. С. Явичем. Но здесь нельзя не поддержать важное и глубокое замечание Г. Кельзена о том, какие связи существуют между явлениями и какими науками эти связи изучаются. Объективная, необходимая связь между явлениями изучается науками каузальными (естественными). От нее следует отличать искусственную связь между явлениями, т. е. создаваемую людьми. Последняя может быть нормативной. Именно ее изучает юридическая наука [4, с. 46, 47].

В продолжение этой мысли отметим, что если уж мы говорим об объективной связи между явлениями, то нам нет нужды устанавливать тетиическую (в терминологии З. Зембиньского, Е. Врублевского, А. Ф. Черданцева), нормативную (в терминологии Г. Кельзена) связь там, где эта она естественна, т. е. необходима, объективна. Именно поэтому утверждение о том, что посредством государственной воли устанавливается объективная связь между тремя элементами структуры нормы права, означает либо то, что законодатель потерял разум, либо что мы пребываем в заблуждении относительно объективности связи между данными структурными элементами, либо что мы неудачно используем специальную, научную терминологию.

Если же отойти от прагматического аспекта и сферы политико-идеологической потребности апологетики советского права (будто структура нормы права не придумана учеными-юристами или субъектами властных полномочий, она в действительности трехчленна), то заметим, что собственно в логических исследованиях норм по ряду причин не принято выделять в числе их структурных элементов санкции. Между тем в

данном направлении предпринимаются отдельные попытки обосновать обратное. В частности, в продолжение линии Лейбница по отождествлению алетических и нормативных операторов логика норм (деонтическая логика) вводится как надстройка над алетической логикой посредством введения особых констант — санкций. Впрочем, не все специалисты считают подобный подход приемлемым. Кроме того, в логических исследованиях санкцию чаще всего не только не признают структурным элементом нормы, но и подчеркивают проблемный и требующий научной разработки логический характер самой связи между предписанием и санкцией за его нарушение [5, с. 64].

Мы полагаем подобный ход мысли правильным. Таким образом, трехчленная структура нормы права не выражает ни законов логики, ни законов природы. Это не более чем неудачный феномен метаязыка (языка юридической науки). Соответственно, можно сделать вывод о том, что санкция как структурный элемент нормы права — это миф, существующий в течение длительного времени в определенной академической среде. В норме права подобного структурного элемента нет.

Но означает ли все это, что мы можем отбросить санкцию, поскольку приходим к выводу, что она ошибочно считается третьим элементом структуры нормы права? Единственно правильным ответом представляется категорический отрицательный. Норм без санкций не бывает. И связь норм с санкциями все же имеет логический характер. Она проявляется в том, что нормы представляют собой частный случай аксиологически ценностного отношения между действительностью и мыслью, т. е. частный случай аксиологических оценок.

Данную мысль, верную и в настоящее время, высказал еще в 1973 г. отечественный ученый-логик А. А. Ивин [6]. Дело в том, что нормам логически предшествуют аксиологические оценки (использующие операторы «хорошо», «плохо», «нейтрально»). Так, две взаимосвязанные оценки порождают нормы. Например (1) «хорошо, когда платят налоги», (2) «хорошо, когда наказывают того, кто не платит налоги». Соединение этих оценок порождает норму «обязательно платить налоги». Фактически это оценка, стандартизированная с помощью санкции. Санкция — форма негативной аксиологической оценки [6, с. 103]. Это важный момент, поэтому следует уточнить мысль некоторых специалистов в области логики о том, что привязку санкций к нормам права можно принимать за данность. Наличие санкции за нарушение нормы права служит выражением объективной (в логическом смысле) связи между логикой норм и оценок. В этом значении данностью является не только наличие

привязки санкций к нормам права, но и наличие привязки санкций вообще к любым социальным нормам. Именно поэтому верной представляется мысль О. Э. Лейста о том, что санкции присущи и неправовым нормам [1, с. 21].

Однако в рассуждениях о правовых санкциях следует учитывать, что санкции — одна из форм государственного принуждения. В связи с этим не нужно смешивать два аспекта рассматриваемой проблемы. Первый из них — реализуемость нормы права. Здесь роль государственного принуждения может быть различной, и в значительном числе случаев реализация нормы может происходить без государственного принуждения. Второй — предусмотренность, т. е. само наличие санкции как одной из мер государственного принуждения, направленного (в совокупности с целым рядом иных мер) на обеспечение реализуемости правовых норм.

Мы полагаем, что в условиях наличия государства и права и отсутствия перспектив их скорого отмирания более правильна позиция О. Э. Лейста и многих других ученых: санкция (причем именно в форме государственного принуждения) для правовой нормы обязательна, «без санкции норма не будет правовой, не будет иметь юридического характера» [1, с. 12].

Итак, если говорить о месте санкций в праве, то подчеркнем: санкция не является структурным элементом нормы права. В похожем ключе высказывался, например, О. Э. Лейст, когда указывал, что санкция — атрибут (а не структурный элемент) правовой нормы [1, с. 25].

Поскольку без санкции нет нормы вообще и правовой в частности, то и санкции в праве обязательны. Однако санкция в целом будет представлена другой нормой права. Вероятно, в этом случае можно проследить некую аналогию с высказыванием С. Л. Явича о том, что санкция может быть сформулирована как самостоятельная статья нормативного правового акта [3, с. 68]. Но мы подчеркнем: правильно говорить не о статье, а именно о норме права.

Сама правовая норма, являющаяся выражением санкции, как и иные нормы права, будет иметь двучленную структуру (гипотеза и диспозиция) и состоять в связи с другой нормой права таким образом, что нарушение одной из них (точнее — указание на факт, т. е. описание такого нарушения) является гипотезой для другой. Норма-санкция предписывает (например, суду) применить вид и меру юридической ответственности к субъекту, совершившему правонарушение.

Схожие мысли прослеживаются в трудах А. Г. Братко [7, с. 29], В. И. Леушина. Они говорили, что указание на факт правонарушения является гипотезой для санкции. При этом В. И. Леушин,

подчеркивая связь между двумя нормами права, называет данную гипотезу особой гипотезой, которая фактически является деструкцией диспозиции другой нормы права [8, с. 606].

При этом О. Э. Лейст [1, с. 22, 23] совершенно правильно указывает, что не имеет значения факт нахождения санкции даже в другой отрасли права. В контексте нашего рассуждения можно добавить, что не имеет значения факт нахождения двух данных норм в различных отраслях права. Он лишь отражает некоторые системные свойства права. Но в связи с этим следует добавить, что фактически в том же ключе высказывались О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, когда отмечали, что одни правовые нормы охраняются санкциями других норм [цит. по 1, с. 25], а критические замечания в их адрес со стороны, например, О. Э. Лейста [1, с. 24], были обусловлены расхождением во взглядах о том, является ли санкция структурным элементом нормы права.

Вместе с тем Л. И. Петражицкий в контексте критики «теории принуждения» указывал, что при подобной трактовке принудительности норм права мы получаем бесконечную цепочку правовых норм, поскольку норма права, содержащая санкцию (предусматривающая принудительные меры), также должна быть защищена такой же нормой [9, с. 288, 289]. Соглашаясь с таким аргументом, Г. Харт все же отмечает, что, признавая бесконечность серии обязанностей и нарушений, можно уйти от бесконечности соответствующих правовых норм. Свое рассуждение он основывает на отсутствии реальных ограничений того, чтобы правило поведения не могло устанавливать санкцию и за нарушение себя самого. Харт вводит понятие самореферентного правила «Орган сообщества (судья) должен наказать каждого, кто нарушит любой Закон, включая этот» [цит. по: 10, 171, 172]. Мы согласимся с этим доводом и дополним предложенную нами модель понимания санкции: какая-то из правовых норм будет являться, в том числе, и санкцией по отношению к самой себе. Таким образом, санкционная защита не стремится уйти в «дурную бесконечность» (по терминологии Г. В. Ф. Гегеля), а вполне может замкнуться на соответствующей правовой норме. Например, такая норма изложена в ст. 305 Уголовного кодекса Российской Федерации. Мы считаем, что данный подход более конструктивен, чем, например, высказанная О. Э. Лейстом идея о том, что мысль Л. И. Петражицкого о бесконечности регресса правовых норм ошибочна, в силу того что наиболее общей гарантией законности является не юридическая, а политическая ответственность [1, с. 22]. Полагаем, что в случае апелляции к политической ответственности какие-то из правовых норм потеряют санкционную защиту и

свойство быть правовыми.

Если уточнять характер связи между двумя нормами, одна из которых является санкцией по отношению к другой, то вместе с признанием логической связи между этими нормами нужно акцентировать внимание и соотношении между юридическим предписанием и государственным принуждением за его невыполнение. В данном случае мы выходим на вопрос: каков характер санкции, с помощью которой нормативный авторитет (создатель нормы права) стандартизирует аксиологическую социальную оценку некоего поведения? В юридической науке устоявшимся является подход, где в качестве подобной санкции выступает государственное принуждение в форме юридической ответственности, что адекватно отражает сложившуюся юридическую практику.

При этом следует понимать, что сам факт выбора в качестве санкции государственного принуждения отражает именно субъективный момент (субъективный не в обыденном негативно-оценочном смысле, а в стандартном философском аксиологически-нейтральном смысле). О субъективном характере связи между нормами права, одна из которых предписывает применение государственного принуждения за нарушение другой, позволяет вести речь о самом факте волеизъявления законодателя, выбирающего защиту нормы права посредством государственного принуждения. Сообразно этому приписывание нормам права волевого характера вполне соответствует не только юридической практике, но и отличительному родовому признаку любой социальной нормы.

Формулируя подобную мысль в несколько ином аспекте, И. А. Честнов отмечает, что воспроизводство нормы права предполагает некий первичный произвол соответствующего субъекта, хотя обыденному мышлению свойственно выдавать социально-конструктивистскую деятельность за объективную, надындивидуальную данность [11, с. 59].

Однако представляется, что, даже не признавая объективизма в форме логической связи между нормой права и ее санкционной защищенностью именно государственным принуждением, мы можем сформировать значительный конструктивный идеологический потенциал фактом признания тавтологического характера связи между нормой права и ее обеспеченностью государственным принуждением.

Поскольку право как субъективный волевой акт исходит от государства (даже если признать правотворчество конечной стадией процесса правообразования), а государство является именно

определенной организацией власти, то и государственно-властная защита права выглядит последовательной и обоснованной. Без защиты права потенциалом государственного принуждения факт пусть не создания, но формулирования права государством выглядит, по меньшей мере, как необоснованная трата значительных ресурсов самого широкого спектра.

Таким образом, мы получаем если не логическое, то прагматическое обоснование утверждения, что право обеспечено государственным принуждением. Конечно, государственное принуждение имеет в рассматриваемом аспекте различные формы: предупреждение, пресечение правонарушений, — а также меры процессуального обеспечения, применяемые при привлечении соответствующего субъекта к юридической ответственности. Но своеобразным ядром такого принуждения является именно санкция как предписание, задаваемое отдельной правовой нормой. Такая санкция — это функция, выполняемая соответствующей нормой права. Подобная функция является составным элементом охранительной функции права. В этом смысле мы можем перенести такое свойство права, как обеспеченность государственным принуждением, на норму права — элемент системы (права) — как минимум в аспекте ее защиты санкцией.

Что же касается третьего момента (в характере связи двух правовых норм, одна из которых предписывает санкционную защиту другой), а именно характера используемого государственного принуждения, то очевидно следующее: субъективный характер выбора законодателем вида и меры юридической ответственности обусловлен субъективным характером волеизъявления данного субъекта, т. е. данная связь также имеет тетический характер.

Таким образом, санкция может быть отнесена к структурным элементам права, поскольку она существует в форме отдельной двучленной нормы права.

Список библиографических ссылок

1. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 238 с.
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
3. Явич Л. С. Право и общественные отношения. Основные аспекты содержания и формы советского права. М.: Юрид. лит., 1971. 152 с.
4. Kelsen H. General theory of State and Law. Cambridge: Harvard University Press, 1949. 516 p.
5. Лисанюк Е. Н. Алчуррон и Булыгин о норме в «нормативных системах» // Конфликтология. 2011. № 4. С. 62—73.
6. Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973. 121 с.
7. Братко А. Г. Запреты в советском праве / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 92 с.
8. Леушин В. И. Логическая норма и нормативное предписание (структурный анализ) // Рос. ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 605—611.
9. Петражицкий Л. И. Теория и политика права // Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юрид. кн., 2010. LXXII. 1032 с.
10. Hart H. L. A. Self-Referring Laws // Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2001. 404 p.
11. Честнов И. А. Диалогичность нормы права // Конфликтология. 2011. № 4. С. 57—61.

© Попов В. В., 2016